

Ленин в наших сердцах

Картина доходит до сердца, в ней схвачена самая сердцевина того, чем велик большевизм, — гуманность.

Величие проблемы гуманности и человечности революции — вот что покоряет в фильме «Ленин в 1918 году»¹, вот что заставляет с какой-то особой теплотой всматриваться в него, вот что надолго остается в душе после просмотра.

В этом основная, главная и сквозная тема фильма. От первой сцены Василия с женой и куском хлеба, от первого диалога Ленина и Горького, через все ситуации фильма, через все оттенки характеров и поступков действующих лиц сквозит тема великой гуманности революции, великой гуманности тех, кто ее совершает. Она собирается и воплощается в центральном и всеобъемлющем образе Ленина.

Сквозь это царство благородства, прямоты и человеколюбия черными нитями вьется паутина человеконенавистничества тех, кому чужды, ненавистны, враждебны победоносные пути пролетариата.

Темные силы контрреволюции собираются в единый сгусток — в страшный облик Фанни Каплан. Ей вторит вся подлая орда врагов, от Бухарина до деревенского кулака, до явных и открыто действующих противников.

Выстрел Каплан в высшей точке напряжения сталкивает эти два мира.

Ленин несокрушим.

Рабочий, обманным образом завербованный на убийство, опускает руку, услышав простую и убедительную речь Ленина.

Изобличенный, извивается под его взглядом кулак.

И только пуля, отравленная вражеская пуля, способна, и то на время, скосить великого носителя идеалов гуманности, скосить его тело, но бессильна перед силой и мощью его духа и всех тех, кто с ним.

Уже с первой сцены фильма поставлен основной вопрос всего произведения — проблема революционной гуманности. Горький говорит об этом с Лениным. Это еще тот Горький, который в те годы видел революционную гуманность «вообще». Тот Горький, который, не пройдя всех лет становления революции в борьбе с врагами, не сказал еще своих великих слов об уничтожении врагов революции как об акте высшей гуманности. И в разговоре с рабочим Гусевым Ленин дает Горькому тонкий и замечательный урок о классовости идеи гуманности и о неразрывности гуманности с беспощадностью к тем, кто стоит поперек ее пути.

Весь ход картины раскрывает эту мысль. И ход этой мысли неразрывен со всем тем, что переживаем мы сейчас.

Прекрасна картина «Ленин в 1918 году» в полноте раскрытия этих великих мыслей, этих великих идеалов. Прекрасна эта картина и в полноте художественного их воплощения.

Велика заслуга режиссера Ромма, везде присутствующего, везде направляющего людей, их действия и их поступки и везде умеющего сделать это так, как будто сами события, чудесно восстановленные, как будто сами люди, чудесно воссозданные, так именно и поступали, так именно и поступать должны были.

И режиссер и те артисты, что перешагнули вместе с ним за пределы первой серии, окончательно сжились с событиями фильма, с образами его героев. От первой серии ко второй Щукин вырос неизмеримо.

Казалось, что первая серия «Ленин в Октябре» — потолок возможностей создания образа Ленина. Однако сейчас, сличая обе серии, видишь, как растет замечательный артист Щукин в исполнении этой необыкновенной и единственной роли.

В первой серии образ Ленина кое-где казался произносимым по складам, казался составленным из отдельных характерных интонаций, движений, жестов, поз. Во второй серии черты этой стадии в работе кое-где еще заметны на Черкасове², который только что вступает в полное овладение таким замечательным образом, как Горький. Щукин же уже полной грудью дышит Лениным. Его уже не связывают условность жеста или документальная предначертанность интонации. Он говорит беспрепятственно, он действует свободно, я каждое движение, каждая интонация сами выливаются в те формы, которые дают нам возможность ощутить живого Ильича.

Соратники Щукина по первой серии — Охлопков³ и Ванин⁴ и ролях Василия и Матвеева — тонким мастерством углубили и расширили то, что ими найдено прежде. Скромные и почти незаметные по масштабам своей деятельности в первой серии, они вырастают здесь в крепкий оплот внутриобщественной борьбы, куда они вписывают героические страницы.

И вторая серия картины вносит в их ряды новые образы, прекрасно раскрытые авторами сценария и режиссером и великолепно разыгранные артистами.

На первом месте здесь, конечно, Феликс Дзержинский (артист В. Марков⁵). Какой внутренней проникновенности нужно достичь, чтобы сыграть сцену с чекистом-провокатором Синцовым. Сколько внутренней веры, сколько внутреннего приобщения к чистоте и величию своего прообраза нужно иметь, чтобы провести сцену, где лжец и предатель не выдерживает взгляда того, кто первым держал в руках карающий меч революции.

Великолепно режиссерски разрешен и блестяще сыгран отталкивающий образ Фанни Каплан, мобилизующий всю ненависть к негодьям, посягающим на сердце революции — на Ленина.

В трех-четырёх нечленораздельных репликах, в двух-трех полупнеподвижных позах, в одном-двух ракурсах сказано все.

На мгновение оторвавшись от неотразимого впечатления, производимого игрой [Н.] Эфрон⁶, попробуйте сформулировать, что «сообщает» вам картина о ней. Кто она. Откуда она. Ее жизнь. Ее

характер. Ее программа. Мотивы. Ничего не высказано, а вместе с тем все сказано. Такова сила воплощенного ею образа, что вы можете прочесть все до мельчайших подробностей, чем живет и дышит этот страшный антипод побеждающей революции.

Эти два образа — блестящее достижение второй серии. Лако-нично. Броско. Скупо. Предельно впечатляюще здесь даны люди, и в них раскрыты громадные обобщения.

Вровень с игрой Щукина, вровень с решением этих двух новых фигур стоит и режиссерское разрешение центральной сцены картины — сцены покушения.

Здесь средствами кинематографического письма достигнута почти телесная осязаемость этой кульминационной точки фильма.

Вот кадры выхода Ильича из заводского корпуса. Ильич около старомодного автомобиля. Капкан на фоне черного, как катафалк, кузова машины. Белый кружок окна на его фоне. Подымающийся револьвер.

Все так осязательно, все до такой степени ощутимо, что кажется, будто выхвачено из круговорота наших страстных и деятельных дней 1918 года.

Такова магия искусства. Искусства, которое жестоким медленным ритмом держит вас прикованным к последующей сцене, когда от отъехавшей машины среди толпы осталась пустая безмолвная дорога, и хочется кричать до тех пор, пока это безмолвие не взрывается на самом экране гневом и ненавистью народа к подлой убийце.

Замечательно мастерство тех, кто в коллективном труде создал это произведение. Замечательна тема фильма. И замечательны те чувства, которые в нас будит этот прекрасный фильм.

«Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году». Это прежде всего — Ленин в наших сердцах.

Это Ленин такой, каким он живет в памяти и чувствах нашего многомиллионного народа. Тот Ленин, чье великое дело мы завершаем.

